

Сообщается, что XVII, внеочередной, съезд Общероссийской общественной организации "Союз писателей России" (СПР) пройдёт 27 февраля 2025 года в Доме Пашкова (здание Российской государственной библиотеки). Главной темой съезда заявлено принятие Декларации об объединении профессиональных литераторов на базе СПР, а если ещё точнее — "консолидации усилий профессионального литературного сообщества по сохранению духовно-нравственных ценностей". При всех сопутствующих этому событию вводных обстоятельствах: от происходящих в сфере большой мировой политики и экономики до происходящих в сфере политики и экономики малой, литературной, сугубо российской и даже местной, — его объективное значение, как представляется, будет определяться решением (или же, напротив, нерешением) следующего круга проблем, которые, к сожалению, нельзя представить ни в строго индуктивном (от частного к общему), ни в строго дедуктивном (от общего к частному) порядке рассуждений. Но, ухватившись здесь за ключевое звено (писатель, профессиональный литератор), попытаемся, в меру своих сил, вытащить в сферу видимости обе эти логические цепи: как индуктивную, так и дедуктивную.

Слово и дело

О предстоящем съезде Союза писателей России

ИНДУКТИВНАЯ ЦЕПЬ

Кого вообще следует признавать литератором, а кого — писателем? Объективно, по большому культурологическому счёту, литератором является любой автор любого литературного произведения: от афоризма до романа-эпопеи, — то есть текста, содержащего в себе систему словесных образов. С данной точки зрения литератор выступает прежде всего как производитель идеального продукта, в одном ряду и роду с другими видами производителей идеального продукта: от композиторов и художников до учёных и программистов.

В рамках общепринятого сегодня экономического дискурса вся сфера производства идеального продукта трактуется как "сектор услуг", включающий в себя не только искусство и культуру, но также образование, здравоохранение, науку и вообще всё, что нельзя "потрогать руками", но принципиально можно продавать, что выходит за рамки так называемого реального сектора экономики. И этот "сектор услуг" в целом занимает уже большую часть современной мировой экономики в её денежном измерении.

При этом статус автора как писателя (статус, отличный от литератора, хотя эти статусы часто смешивают между собой) традиционно определялся кругом его читателей: и в количественном, и в качественном отношении. Пересечение двух этих множеств в пространстве и времени составляло корпус русской литературной классики как основы, фундамента русской словесотцентричной цивилизации. И не случайно Александр Проханов в своё время особо заострил противостояние двух миров: Слова и Числа (Цифры), — продолжив в новых культурно-исторических условиях гениальное предвидение-прозрение этого противостояния Николаем Гумилёвым:

*В оный день, когда над миром новым
Бог склонял лицо своё, тогда
Солнце останавливали словом,
Словом разрушали ворада.
И орёл не взмахивал крылами,
Звёзды жались в ужасе к луне,
Если, точно розовое пламя,
Слово проплывало в вышине.
А для низкой жизни были числа,
Как домашний, подъярённый скот,
Потому что все оттенки смысла
Умное число передаёт...*

Сегодня копирование/тиражирование и принципиальная доступность литературных произведений — в форме электронных текстовых, аудио- или видеофайлов — перестало быть затратной технологической проблемой, которая со времён "революции Гутенберга", то есть на протяжении добрых пяти веков, решалась при

помощи типографского станка. Сейчас эта проблема во всё большей степени решается при помощи сложного комплекса интернет-серверов и линий, обеспечивающих онлайн-связь. Говорить о "тираже" литературных произведений, уже выложенных в эту сеть, совершенно бессмысленно — этот показатель ограничивается уже не числом материальных, "бумажных", носителей, а количеством читателей, имеющих доступ к этому "гипертексту" и обративших внимание на конкретный сегмент/фрагмент этой сети здесь и сейчас. Второе теперь не менее важно, чем первое. Тем не менее традиционные "бумажно-типографские" носители литературных произведений даже вследствие утраты своей былой монополии вряд ли совсем исчезнут из реальности, как не исчезли из неё, например, лошади после распространения автомобилей и военной бронетехники, — по причине как понятийной инерции, так и ряда своих особых качеств. Эти особые качества существуют и у "бумажных изданий". В частности, можно указать на известную формулу "Что написано пером, не вырубишь топором". Как уже показывает практика, к электронным носителям информации, в том числе литературных произведений, она не вполне применима — перевести любой корпус текстов из публично доступного пространства в режим рукописи теперь можно, не сжигая книги, а условно "одним нажатием кнопки".

ДЕДУКТИВНАЯ ЦЕПЬ

Социальный и властный запрос со стороны российского общества и российского государства сегодня становится иным, с разворотом чуть ли не на 180 градусов. Провозглашённая ещё горбачёвской "перестройкой" и закреплённая ельцинскими "реформами" цель следования "общечеловеческим" рыночным ценностям и глобальному "порядку, основанному на правилах" сменяется целью развития самобытной русской цивилизации, основанной на традиционных ценностях, что требует соответствующих изменений в нашей культуре и литературе, одним из инструментов которых, как следует из доступной информации, и намерен выступить Союз писателей России, претендующий примерно на ту же роль, которую в годы советской власти играл Союз писателей СССР. Вопрос, насколько это возможно сейчас? Дело здесь даже не в том, что профессиональных литературных и даже писательских объединений со статусом федеральной или межрегиональной общественной организации сегодня не одно и не два, и даже не десять. Дело в том, что ни одно из них не решает для писателей и литераторов насущных жизненно важных вопросов: где и на каких основаниях публиковать свои произведения? На какие средства жить, особенно после выхода на пенсию, в нынешних правовых условиях обретающей форму "запрета на профессию"? Как и где в случае необходимости

Зал заседаний I Всесоюзного съезда писателей. Москва, 1934 год

лечиться, получать необходимую социальную помощь? И так далее и тому подобное. Решение этих вопросов, хотя бы более-менее отвечающих реальным нуждам принципу справедливости, потребует реформ такого же, если не большего, масштаба и глубины, каким был для СССР переход от НЭПа к строительству социализма в одной отдельно взятой стране, что тогда сопровождалось практически полной государственной монополией на издательское дело и полиграфию.

Некоторые писатели предлагают для этого "покончить с издательской монополией АСТ — "Эксмо" и со свободным ценообразованием на книжную продукцию". Лет пятнадцать назад я беседовал с "первым лицом" этой монополии Олегом Новиковым, и уже тогда он сетовал на жёсткую конкуренцию не только внутри российского книжного рынка, но между этим рынком и тогда только набиравшем обороты рынком электронных текстов. Если правильно помню, проблеме удалось решить введением специального, кажется, пятипроцентного, налога на продажу любых носителей электронной информации: дискеты, лазерные диски, флешки и так далее в пользу авторов издаваемых произведений. Что-то подобное, только в несколько иных масштабах, обусловленных широкой пользовательской базой, имеет смысл установить для компаний-"держателей" нынешних социальных сетей и мессенджеров, уже сегодня получающих сверхприбыли, которые завтра станут гиперприбылями, в русскоязычном сегменте мировой Сети. Что ничуть не отменит, но значительно укрепит, в том числе на государственном уровне, финансовую базу как традиционной "бумажной" издательской индустрии, так и всех профессиональных сообществ литераторов и писателей, особенно не противоречащих требованиям как государства, так и общества.

В этом смысле данные сообщества могут и должны выступать не только просителями у власти, а его активно работающей частью, требующей надлежащего технического обслуживания для соответствующего функционирования и развития. При этом литераторы и

писатели, как представляется, должны защищать интересы не только своего цеха, но и всего Русского Мира, который подвергается гибридной агрессии со стороны либерал-глобалистского Запада. Стоит ещё раз повторить: писатели — это прежде всего их читатели, а потому расширение сферы русского языка: и количественное, и качественное — общая цель и нашей государственной власти, и нашего писательского сообщества, и всех производителей русскоязычного идеального продукта как частей одного Русского Мира. Если в Великобритании, например, "Би-би-си" долгое время существовало за счёт особого налога на жителей, то в данном случае речь будет идти о дополнительном налогообложении ИТ-корпораций, действующих на территории России — прежде всего из недружественных стран. Это не должен быть только "налог на литературу" — это должен быть налог на поддержание и развитие культурного и языкового пространства Русского Мира в целом, да, включая его национальные культуры и языки.

Искренне не хочется, чтобы предстоящий съезд оказался только лишь формальной вешкой-"верхушкой айсберга" в общении литературных, политических и прочих функционеров, посвящённой в основном очередному переделу власти и собственности под актуальным идеологическим флагом. Снятый, согласно предварительной информации, всего на полтора часа для проведения съезда зал отдела редкой книги в Доме Пашкова указывает на то, что это мероприятие будет носить в основном технический характер, но неким рубежом в решении обозначенных, назревших и перезревших, проблем российского писательского сообщества он тем не менее стать способен. Как говорится, "спасение утопающих — дело рук самих утопающих".

Владимир ВИННИКОВ

Печатается в сокращении,
полный текст — на сайте [завтра.ру](#)

Об этой истории сообщали многие СМИ: в середине октября 2024 года российский разведчик Закарья Алиев в составе штурмового подразделения захватил украинский опорный пункт в Запорожской области. Однако вскоре после потери своих позиций украинцы стали добить артиллерией по утраченному опорнику — все сослуживцы Алиева, бойцы-штурмовики, погибли от вражеских снарядов.

СТОЙКОСТЬ И МЕШОЧЕК ЛУКА

А Закарья не только уцелел, но даже не был ранен. Более того, сумел в одиночку отбить несколько бандеровских контратак. Таков первый поворот судьбы. Второй проявился спустя несколько дней — стали кончатся запасы еды и воды, которые были с собой, плюс то, что обнаружилось в окопах и блиндажах опорного пункта. При этом разведчик Алиев даже не думал отступать и сдавать с таким трудом завоеванные позиции. Но как выжить?... И боец принял нестандартное решение — он пошёл в атаку. Конечно, без крика "Ура!", без наглого броска в полный рост. По-тихому прокрался и зашёл с фланга. В результате взял в плен четырёх "жёлто-голубых" вояк да затрофеил мешочек лука и пачку соуса. Третий поворот судьбы определили беспилотники — и свои, и чужие. Именно вражеские БПЛА убили тех пленных, кого Закарья хотел отправить к российским позициям.

Алиев остался держать свой опорник в одиночку. А сок быстро кончился. Хотелось пить. Жажда — слово страшное, что её испытывал. Я лично слегка испытал в своё время в афганской пустыне. Но Закарья жажду чувствовал гораздо острее, потому что пил-тался одним лишь луком. В нём есть немного жидкости, но после употребления горит весь пищевод. Этот пожар хочется залить водой. А её нет. И наш разведчик на чём-то белом изобразил свой позывной — Смайлик — послание, что он жив, и как просьбу к беспилотникам (постоянно барражирующим в небе), чтобы сбросили воду.

Увы, "плакат" заметили не наши, а украинские дроны. И вражеская артиллерия вновь начала перемалывать позиции, удерживаемые российским солдатом. Пришлось Алиеву в разрушенном блиндаже вырыть нору и подобно кроту уйти подглубе в землю. Иначе не выжить.

Ел только трофейный лук, жгучую горечь которого почти не замечал — хрустел, как яблоком. А пил из луз, плюс раскучерил все обнаруженные аптечки, в которых были жидкости, — например, перекиш водорода, обезболивающее... В те моменты вода и еда для российского солдата были важнее патронов и гранат.

Артналёты продолжали системно, периодически, но долго, недели две, до конца октября. За это время в штурмовой роте посчитали, что Закарья погиб, как пали в бою и его товарищи, с кем он брал вражеский опорник. Матери солдата Халисат Алиевой, в селе Косякино Кизлярского района Дагестана, сообщили о гибели сына. Но мать не поверила — сердце подкашивало ей, что он жив.

В начале ноября одинокого российского бойца в разгромленном опорнике наконец заметили и наши БПЛА. Разобравшись в сигналах, которые солдат подавал беспилотнику, операторы сбросили ему воду, а затем еду. Но к этому моменту Закарья настолько обезвоился, что руки и ноги отяжелели, передвигался он с трудом. Только немного подкрепившись, через день-два он подготовился к самозащиту.

Захватченный у врага опорник он в одиночку держал три недели! Успел и четырёх пленных взять, и уничтожить нескольких вражеских солдат. Теперь пора было возвращаться к своим.

Дорогу ему показывал беспилотник. Закарья бежать не мог, хотя раньше спокойно преодолевал марафонскую дистанцию. Теперь только шёл медленным шагом. И дошёл. Грязный, заросший, голодный, пропахший луком, но живой и непобедённый. Многие стали называть героя "луковым бойцом". Но мало того, узнав из Интернета о героическом российском бойце, нацистское руководство Украины объявило премию "за голову" Алиева — 50 миллионов рублей в перевоёте на наши деньги.

БОЙЦЫ ИЗ-ПОД ГЛЫБ

История стойкости солдата Алиева и подобные ей невольно вызвали у меня ассоциацию с легендой о "бессменном часовом", которую в 1960-х годах услышал, а затем в книге о неизвестных героях изложил советский писатель Сергей Смирнов. Кстати, именно он был автором повествования о бессмертных защитниках Брестской крепости, о которых до него никто не знал почти 20 лет.

Так вот, легенда гласит, что в 1924 году польские власти решили расщипить развалины молучей в своё время крепости Перемышль. Эту австро-венгерскую (до 1914 года) крепость во время Первой мировой войны захватили русские войска. И какое-то время удерживали, пока подошедшие немцы в 1915 году не вернули её, вытеснив русских.

При расчистке завалов спустя десять лет после военных событий в подземелье польских рабочих вдруг окликнул на русском языке вооружённый бородатый человек в воен-

ные запасы продовольствия, в том числе консервов, свечей, вещевого имущества...

Впервые об этой истории рассказала на страницах журнала "Около света" ("Вокруг света") в майском номере за 1926 год польская журналистка Ванда Когутницка. А кроме того, большие куски текста из дневника русского пленника приводит в своей книге "Тайны Перемышля" польский историк Ян Розанский.

Увы, оригинал дневника был утерян. Видимо, уже в годы Второй мировой войны. А без него многие историки считают и свидетельства очевидцев, и публикации в польских книгах и журналах недостоверными.

Ну, в конце концов, это их дело. Я же лично очень рад, что существует легенда о героическом "бессменном часовом" Иванове. А ещё — верю в то, что польские публикации и исследования Когутницкой и Розанского имеют под собой фактическую основу. Иначе, судите сами, зачем польским публицистам придумывать фамилию Новиков самоубийце штабс-капитану, но при этом не придумывать имя автору дневника (например, поручик Стариков)? В общем, если вся история, опубликованная исследователями ещё 100 лет назад, — выдумка, то какая-то странная своей "недоделанностью", профессионально несовершенная.

ЗАВТРАК НА ВОЙНЕ

Что едят в блиндажах

ной форме: "Стой! Кто идёт? Стрелять буду!" После переполюха работяги вызвали полицию. Та выступила в переговоры с "подземным бойцом" и долго уговаривала его сдаться. Однако тот долго упорствовал, поскольку не мог бросить пост, дескать, по уставу его должны сменить другим часовым. Кончилось тем, что полицейские вызвали офицера польской армии и тот, представившись на русском языке по полной форме (видно, в своё время служил в Руской императорской армии) "сменил" часового.

Выйдя из подземелья на свет божий после девяти лет службы при складах в нижнем ярусе крепости, солдат ослеп. Его отвезли в местный госпиталь, где он к ночи скончался. Фамилия "бессменного часового" в этой истории тоже упоминалась — Иванов (ничего удивительного для легенды).

Почему я вспомнил об этом? Потому что именно близость солдата к охраняемым складам не только с боеприпасами, но и с продовольствием (в том числе с консервами, уже успешными завоевать своё достойное место в солдатском рационе) помогла ему продержаться на боевом посту при крепостном арсенале долгих девять лет.

Такова легенда. А на самом деле, как выяснила съёмочная группа телепрограммы "Искатели" совместно с российскими и польскими историками, в казематах крепости — форта №13 — оказался не один солдат-часовой, а два пленённых австрийцами русских офицера-разведчики. Один из них долго не протянул и, сойдя с ума (штабс-капитан Новиков), покончил жизнь самоубийством — перерезал себе горло какой-то острой железкой. А второй (имя его осталось неизвестным) продержался девять лет. Правда, тоже в конце концов потерял рассудок. Однако он оставил по себе дневник, который вёл на страничке амбарной книги местного интенданта. Многие записи в ней интересны и говорят о полной вменяемости и мужестве автора. Но в конце тексты уже неразборчивы и неадекватны.

Именно этого мужественного русского офицера нашли в казематах польские рабочие. Однако он ничего уже не смог никому рассказать и вскоре скончался. Ясно, что не только духовная стойкость помогла этому человеку продержаться девять лет в подземелье (значительную часть времени — в одиночестве, после потери товарища), но и

Серьёзные литераторы так топорно байки не придумывают.

Однако вспомнил я всю эту запутанную историю исключительно с одной, немного примитивной и циничной, целью — подчеркнуть важность не только духовной стойкости, но и продовольствия для воюющего человека. Будь, например, у российского бойца Закарья Алиева вода и еда (лучше — консервы), он бы месяцами свои позиции держал. Даже оружие и патроны у врага отвоевал бы. Что, кстати, он и сделал однажды. Правда, еды не добыл. Кроме мешочка лука.

НОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

20 лет назад не было поставлено на широкую ногу производство сублимированных продуктов, которые сейчас незаменимы для войск в зоне активных боевых действий. Теперь в любом блиндаже достаточно на огне окопной свечи разогреть кружку воды и залить сухую вермишель с добавками, чтобы получить некий горячий супчик. Он и внутри согрет, и сытости добавит, и настроение поднимет.

Раньше я и мои товарищи по оружию из всех сублимированных продуктов знали только почти забытый ныне чёрный хлебный сухарь. Правда, в голодные время он казался слаще прижогого. Закарья Алиев его бы оценил по достоинству в своём холодном опорнике. Но его случай исключительный, потому и заслуживает подробного описания. А ещё наталкивает на размышления о вариациях армейского пайка.

Сейчас, в ходе СВО, этот армейский паёк заметно расширил своё значение, потому что почти вся страна дружно злялась помогать родной армии добывать победу именно на сытый желудок. Народ сгрудился в бригады и делает для бойцов (в том числе для своих сыновей, мужей и отцов) сухие борщи, супы, каши, консервирует овощи и фрукты, печёт пироги и печенье. А затем с волонтерами отправляет на фронт, чтобы подкормить солдат и подсластить их порой горькую окопную жизнь.

Это, однако, не означает, что наше Министерство обороны самоустранилось от кормления войск. Оно своё дело делает, но строго зависит от давно установленных

норм довольствия. Нет в этих нормах, например, ни печеня с вареньем, ни пирожков с капустой. Такова реальность для армейских продслужб на сегодняшний день.

Теперь пирогами и печеньем занялся великий и щедрый народ России. Более того, в Крыму, в Ростовской области и Краснодарском крае на дорогах, по которым регулярно двигаются военные колонны в сторону Донбасса и Новороссии, энтузиасты развернули мобильные пункты горячего питания для бойцов. Обычно их называют "Солдатский привал". Женщины-активистки кормят бесплатно всех желающих, кто направляется на линию боевого соприкосновения. И пироги с печеньем на дорожку дают.

Однако не энтузиазм народа — главная тема в данном случае. Бесспорно, что кроме одобрения и восхищения патристический настрой людей других чувств вызвать не может (по крайней мере, у нормального человека). Я же хочу выделить другой аспект продовольственной темы и подчеркнуть: ситуацию с прокормом армии изменили не только патристически заряженные люди в тылу, но и новые технологии. И речь не только о массовом производстве сублимированных продуктов.

Впрочем, и в не очень далёкие советские времена в наших армейских пайках были сухие каши, спиртовки для разогрева пищи и

ещё разные мелочи. Однако это было как бы штучное производство. А вот что было массовым и остаётся массовым по сию пору, так это консервы.

КОНСЕРВАЦИЯ

Такое иногда возникает ощущение, что консервы были всегда. Но это, конечно, не так. Консервы, благодаря которым девять лет выживал в казематах 13-го форта под Перемышлем безвестный русский офицер, появились не так давно, если иметь в виду исторический масштаб. Например, привычные для нас железные банки начали изготавливать лишь в 1890-х годах, а стеклянные раньше — в 1810-м.

Однако началось всё с трагедии на французском военном корабле. Там в самом начале XIX века от цинги, от плохой пищи на борту умерла вся команда — под сотню моряков. Эту трагедию переживали не только многие простые французы (не говоря уже о родственниках погибших), но и лично Наполеон Бонапарт. Более того, он объявил конкурс на создание такой еды, которая долго не портилась бы и сделала бы моряцкий стол более разнообразным.

Конкурс выиграл парижский хозяин кондитерской Николая Алпер. Он стал "пастеризовать" еду в специально изготовленных для этого бутылках. То есть попросил стеклодувов "обрезать" горло у бутылки для шампанского и сделать его (горлышко) более широким. Как ни странно, но почти идентичной формы бутылки сейчас используют многие фирмы, которые производят фруктовые соки. Загрузив такие бутылки кашей с мясом, овощными салатами и даже фруктами в сладком сиропе, он их киятил в чанах с водой, затыкал пробками и обливал "головы" воском. Вот такая технология.

В 1810 году он продемонстрировал свою продукцию имперской комиссии. Привёз на пробу и те бутылки, которые успели покрыться паутиной. Проверяющие, включая лично Наполеона, были приятно удивлены результатом. И Никола Алпер закономерно получил гигантскую за те времена премию в 12 тысяч франков. А сверх того Бонапарт присвоил ему уникальное звание — "Благодетель человечества".

Однако, рассказывая о технологии парижского кондитера, я исторически неверно употребил слово "пастеризация", которое вошло в обиход гораздо позже — благодаря учёному-микробиологу Луи Пастеру. Он тоже придумал, как бороться с вредными бактериями. Но родился лишь 27 декабря 1822 года, через 12 лет после триумфа Алпера. В связи с этим, согласитесь, было бы более правильным называть кипячение банок с продуктами для большей сохранности не "пастеризацией", а "апперизацией". Увы, в мире науки при распределении славы много несправедливости.

Ну, а что касается железных консервных банок, то у них история более сложная. С самого начала ясно было, что стеклянная тара для хранения продуктов и слишком тяжёлая, и слишком хрупкая. Однако и здесь не обошлось без Алпера. Именно его пример вдохновил англичанина Питера Дюрана придумать и запатентовать в том же 1810 году железную банку для консервирования. Однако лично он производством не занялся, а продал патент двум другим землякам — Брайану Донкину и Джону Холлу. В 1813 году британцы построили фабрику и стали производить консервы для королевского флота, а затем и армии. Но...

Это не была фабрика в привычном для нас понимании — скорее, кузница, совмещённая с кухней. Почти всё делалось вручную. В том числе жестяной лист рождался под ударами молота молочего работяги-кузнеца. Сама банка весила приблизительно полкилограмма. Производительность — не более шести банок в день.

Самые сложные операции заключались в соединениях — при сворачивании листа в трубу, при креплении доньшка и крышки. На этих этапах для припоя в момент скрепления металлических листов использовался свинец, из-за которого люди травились и болели. К примеру, на полимра стала известной трагедия на Шпицбергене, когда 17 охотников на тюленей до смерти отравились британскими консервами. Это случилось зимой 1872–1873 годов. Трагедии были и раньше, но о них не так сильно шумела пресса.

После многочисленных случаев гибели и хворей моряков и солдат свинец в банках заменили на олово. Но это кардинально дело не поправило. Только в конце 1880-х годов был придуман так называемый двойной закатычный шов. В 1890-х края шва на банках стали заделывать в замок. Это позволило предотвратить попадание внутрь банки пресловутых припоев из свинца, олова и т. п. при креплении жестяного листа. Именно после таких придумок консервную банку стали называть санитарной, то есть безопасной для здоровья. Однако в конечном итоге современный вид консервирования в металлической таре приобрело в 30-х годах XX века.

Какими конкретно консервами питались пленные русские офицеры в казематах форта №13 под Перемышлем — неизвестно. Были у них там свинец или олово, или не были — история умалчивает. Как умалчивает и о факторе влияния сомнительных металлов на психику человека. А вдруг разум у штабс-капитана Новикова помутился от свинцового припоя. Попробуй угадай тут.

Зато точно известно, что популярно в России, да и во многих странах СНГ, ручную машинку для закатывания консервных банок (она раньше была у каждой советской домохозяйки, да и сейчас у многих "на вооружении") придумал Николай Фёдорович Макаров — почти всему миру известный изобретатель пистолета Макарова (ПМ). Увы, почти никто у нас не слышал про изобретённый "закаточный ключ Макарова". Вот так — знай наших!

Кстати, это был заказ его жены — придумать что-то для закатки консервов в стеклянных банках.

Сергей ТЮТЮННИК,
полковник запаса

Печатается в сокращении,
полный текст — на сайте [завтра.ру](#)